научной поэзии Ломоносова. Своим космизмом, философскими поисками Бобров был близок Пнину и Востокову. Разночинец по происхождению,[65] так же как и большинство членов Общества, Бобров печатно заявлял о своем демократизме: «...порода без добрых качеств ничто, а достоинства души и без породы всё»,[66] и с гордостью называл Минина «Русским Плебеем».[67]

Бобров сотрудничал в журналах, издатели которых были связаны с Вольным обществом любителей словесности, наук и художеств. Так, в журналах И. И. Мартынова «Северный вестник» и «Лицей» им было напечатано в течение 1805—1806 гг. около сорока сочинений и переводов. Позднее он помещал свои произведения в изданиях А. П. Беницкого и А. Е. Измайлова — «Талия» и «Цветник».[68]

Большому почитателю творчества Боброва И. И. Мартынову, по-видимому, принадлежит уже упоминавшийся разбор первого тома сочинений Боброва «Рассвет полночи», напечатанный в «Северном Вестнике», где высоко оценена оригинальность творчества этого поэта: «Он идет по следам, ежели есть они; прокладывает сам себе стезю, если еще оной не было, и последнее чаще в нем примечается, нежели первое».[69] Рецензента привлекают именно те особенности поэзии Боброва, которые отличают его творчество от карамзинского направления: «Я воображаю всю громаду вселенныя, взлетаю между светил небесных в глубокую ночь и вижу этот бледный висящий день при наступлении рассвета».[70] В то же время здесь отмечены те стороны творчества Боброва, за которые его вскоре начинают преследовать поэты карамзинского лагеря: «Слабость г-на Боброва состоит в том, что иногда в изображениях своих бывает темен».[71]

В том же журнале любимый ученик И. И. Мартынова И. Т. Александровский[72] опубликовал «Разбор поэмы Таврида», в котором вслед за учителем снова подчеркивает самостоятельность

---

[65] В послужных списках Бобров на вопрос: «Из каких в службу поступил?», отвечает: «Из священнических детей».

[66] С‹емен› Б‹о б р о›в. Патриоты и герои везде, всегда и во всяком. — «Лицей», 1806, ч. II, кн. 3, стр. 30.

[67] Там же, стр. 38.

[68] В альманахе «Талия» в числе прочих помещены за подписью «200», т. е. С. ‹Бобров›, три стихотворения, автором которых, судя по содержанию, является Бобров: «Глас оскорбленной дружбы по смерти NN к благородному Алкиду N», «Постоянство музы. К другу Акасту» и «Песенка невинной девушки» («Талия», 1807, стр. 48—52; 113—115). Принадлежность этих стихотворений Боброву ранее не была отмечена.

[69] «Северный вестник», СПб., 1804, ч. II, № 4, стр. 33—34.

[70] Там же, стр. 35.

[71] Там же, стр. 40.

[72] См.: П. Н. Берков. К истории русско-польских культурных отношений конца XVIII и начала XIX века. И. Т. Александровский, профессор российского языка и словесности в кременецком лицее. — «Известия АН СССР, VII серия, Отделение общественных наук», М.—Л., 1934, № 9, стр. 709.